

Тарасов О. В.,
к.ю.н., доцент кафедры международного права
Национального университета
«Юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого»,

ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И ЛИЦА: РЕЛИГИОЗНО-МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Одной из фундаментальных проблем правовой персонологии является четкое разграничение феноменов правовой личности и правового лица. В юридической науке категории «личность» и «лицо», к сожалению, далеко не всегда разделяются. Более того, эти категории очень часто отождествляют с человеком, забывая о других участниках общественных отношений. Уже древние римляне четко видели разницу между лицом-маской (персоной) и её носителем – социальным актором, но понимания личности тогда еще не существовало. В этом отношении интересны наработки христианского богословия, в котором проблема соотношения личности и лица была предметом принципиальных дискуссий, повлиявших на формирование религиозных догматов.

Считается, что одними из первых проблематику лица (персоны) подняли Тертуллиан и Боэций, имевших юридическое образование. В дальнейшем каноническое право восприняло римское понятие персоны для своих нужд. В частности, по образцу аббатства в Клуни, основанного в 909 г. как юридическое лицо, была организована вся структура католической церкви, охватившая собой в Средние века почти всю Европу. Позже, в 1245 году на Лионском соборе папа римский Иннокентий IV провел классификацию персон на физических лиц, обладавших душой, и юридических лиц, не обладавших ни душой, ни совестью, ни волей, ни сознанием и потому не способных согрешить.

Однако, задолго до интерпретации (католического) канонического права, в христианском богословии велись более широкие метафизические споры о соотношении личности и лица. Наибольшего апогея они достигли в вопросе о Святой Троице, известных как тринитарные споры. Основной вопрос, который тут волновал христиан в первые века нашей эры, звучал так: «Каким образом Отец, Сын и Дух Святой могут быть Богом, и как они связаны друг с другом?». Предлагались различные решения. В частности, последователи александрийского пресвитера Ария (256 – 336 гг.) считали, что Сын сотворен Отцом, следовательно было время, когда Сына не было, и что Сын стоит ниже Отца, всецело отличен от Отца, а не равен и не подобен Ему по сущности. Споры достигли такой остроты, что император Константин был вынужден созвать I Вселенский Собор в Никее (325 г.), где арианство осудили и приняли Никейский символ веры, начинающийся словами «Верую во единого Бога». Тем не менее, несколько последующих веков прошли в борьбе с арианством. Особое значение тут имеют труды Афанасия Александрийского и, особенно, Василия Великого, Григория Богослова и Григория Нисского, заложивших основы персонологической терминологии.

В качестве ключевого был избран термин «ипостась», которым обозначалось личностное существование, в отличие от «сущности» — термина, которым обозначили онтологическую общность. Отец, Сын и Святой Дух суть три Ипостаси, равные и единосущные одна другой, то есть имеющие одну и ту же Божественную сущность. Проблема состояла в том, что католические богословы предпочитали учение о трех лицах (*persona*), что настораживало восточных отцов, так как слово «лицо» (греч. – *prosopon*) в то время означало маску безличного существа, например, маску или роль актера. Благодаря Григорию Богослову и Григорию Нисскому понятия «ипостась» и «лицо» были отождествлены, что привело к появлению нового понятия «личность», которого не знала античная философия.

Не вдаваясь в отдельные аспекты христианского учения о Троице, не останавливаясь детально на особенностях православной христологии, а

также истории иконоборческих споров, отметим лишь те методологические положения христианства, которые могут быть использованы при разработке основ правовой персонологии.

Во-первых, это чёткое разделение личности и её внешнего проявления в форме лица (персоны). Одна личность проявляется (ипостазируется) во множестве лиц (персон). С правовой точки зрения это означает, что единая правовая личность участника общественных отношений имеет множество персонативных правовых форм. Вне внешней формы своего проявления личность просто не будет идентифицирована как таковая, она сольется с внешним миром, будет неразличима.

Во-вторых, каждая персонативная правовая форма отражает отдельный аспект многогранной правовой личности. Так, личность может быть участником международно-правовых и национально-правовых отношений, а в рамках отдельной правовой системы – субъектом публичного и частного права, в том числе различных отраслей права.

В-третьих, правовая личность человека не является производной от правовой личности иных субъектов права – юридических и суверенных лиц. Наоборот, правовая личность индивидов служит основанием правосубъектности корпоративных и властно-территориальных образований.

В-четвертых, наличие персонативной правовой формы юридического лица ставит проблему правовой личности корпоративных образований, а форма суверенного правового лица – аналогичную проблему для государств.

Как представляется, это далеко не полный перечень. В целом, обращение юристов к богатейшему опыту христианского богословия, дополненному исследовательским интересом к философским и социогуманитарным наработкам в области общей персонологии, позволит обнаружить ещё множество интереснейших методологических новаций, позволяющих заложить основы правовой персонологии как науки о правовой личности и формах её внешнего проявления.